

Евгения Гайдар - Голикова

*Едет папа на войну
за Советскую страну*

Издательство
„Детская литература“

15 коп.

Е. ГАЙДАР ~ ГОЛИКОВА

~~~~~

*Едет папа на войну
за Советскую страну*

**РАССКАЗЫ ~ ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ
АРКАДИИ
ПЕТРОВИЧЕ
ГАЙДАРЕ**

*Рисунки
Н. Байракова*

МОСКВА, „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1980

ПИСЬМА, ПИСЬМА, ПИСЬМА...

Их много. Очень много. В них словно вся география страны.

Письма присылают чаще всего школьники. Рассказывают о себе, о своей жизни и планах на будущее. Волнуются и нетерпеливо ждут, когда их пионерской дружине или школе присвоят имя Аркадия Гайдара. И ни одно письмо не обходится без хорошей ребячьей зависти ко мне, Жене, которой «посчастливилось жить вместе с таким замечательным писателем и человеком...».

Прислать свои воспоминания об Аркадии Петровиче — первая и, пожалуй, самая главная их просьба. Иной раз встречается и такое: «Убедительно просим прислать личные вещи известного детского писателя Аркадия Петровича Гайдара...»

Наивно, конечно, но не надо забывать, что об этом просят ребята 70-х годов, десятилетиями отдалённые от того времени, когда жил Аркадий Петрович, и от того страшного 1941 года, когда его не стало...

Книги Аркадия Гайдара, его «обыкновенная биография в необыкновенное время» свершили чудо! Писатель навсегда остался с ребятами — вчерашними и сегодняшними, — ребятами сороковых, пятидесятих, шестидесятых, семидесятых годов... И так будет всегда!

Пишут дети, пишут и взрослые. Любят Гайдара не только у нас на Родине, но и в странах социализма, во всём мире.

А однажды пришло письмо с таким адресом: «СССР. МОСКВА. Писателю Аркадию Гайдару, который написал книгу «Тимур и его команда». Письмо к нам дошло, но маленький Ян Слива, школьник из чехословацкого села, не знал, что человек, которому он так трогательно предлагает свою дружбу и в знак этой дружбы дарит свои рисунки к «Тимуру», давно погиб...

Писем много. Ответить всем невозможно. Но легко понять, как и дети и взрослые ждут ответа от Жени, для которой Аркадий Петрович был самым дорогим человеком, старшим другом, умным, добрым, справедливым отцом, и не удивительно, что в моей детской памяти на всю жизнь остались те счастливые довоенные дни, когда мы были вместе, и те страшные дни войны, когда Аркадия Петровича Гайдара не стало.

Моя любовь и уважение, благодарная память сердца, с годами становились все сильнее и сильнее...

И я буду рада, если мои детские воспоминания будут интересны читателям.

Евгения Гайдар-Голикова

ПИР ГОРОЙ

— Где Аркавий Петрович? — спрашивает меня Алька. Ей четыре года, а говорить правильно «Аркадий» до сих пор не научилась. Алька только что проснулась и стоит на крыльце босая, дёргая одетое задом наперёд платье.

— Зачем тебе Аркадий Петрович?

— «Зачем, зачем»?! — капризничает Алька.

— Видишь, какое утро хорошее! Папа с Надей и Борей ушли на речку купаться. Птички поют, послушай... А ты такая злая.

— Когда они вернутся? — уже не так решительно спрашивает она.

— Наверное, скоро.

Молча постояв, она скрывается за дверь, но вскоре опять выходит, идёт к калитке и там останавливается. Я смотрю ей вслед и ничего не понимаю. А она, выставив вперёд ногу, с безразличным видом вертит высунувшимися из рваного ботинка пальчиками.

— Ты что? — не выдерживаю я.

— Не видишь, Аркавия Петровича жду?

Я ничего не вижу и ухожу кормить щенят.

Алька остаётся ждать. Наконец за забором слышатся весёлые голоса, смех, и во двор входят папа с Надей и Борей.

— Аркавий Петрович?! — обрадованно окликает его Алька.

— А, это ты, Алька! Как спала? Какие сны тебе снились и не видела ли ты сегодня чего-нибудь диковинного?

— Много снилось... не припомнить! — отвечает Алька. — А вот ботинки у меня совсем разорватые... плохо! — потирает она стриженный затылок и тяжело вздыхает.

Аркадий Петрович берёт в руки её «разорватый» башмачок и, как доктор, внимательно осматривает его со всех сторон.

— Хороший ты человек, Алька! Башмаки твои и взаправду совсем «разорватые». Ты говоришь «плохо»! По-моему, это не самое страшное, бывает и хуже... А башмаки у тебя будут.

После обеда мы сидим с Алькой в канаве перед домом и колем камешком орехи. Когда орехов остаётся совсем мало и мы уже собираемся пойти попросить ещё, из-за угла Ленинской улицы показывается Аркадий Петрович. Он что-то держит за спиной, и мы с Алькой сразу догадываемся, что там такое.

— Побегим? — предложила я.

— Не побегим... — подозрительно спокойно отвечает Алька и принимает часто-часто болтать ногами...

— Люди! — кричит нам папа. — А ну, бегите быстрее ветра в дом и зовите всех, кто есть в том доме, во двор!

Особенно-то быстро у нас не получается, но в ушах и в самом деле гудит ветер.

Ну, конечно! Новые, блестящие, пахнущие кожей башмаки!!!

Аркадий Петрович сам надевает Альке обновку и просит пройтись по двору. У него довольное лицо, потому что он любит делать подарки. А Алька перестает дышать. Её огромные голубые глаза ещё больше округлились, и нет в них ничего, кроме радости. Она медленно доходит до сарая, возвращается обратно и, подойдя к нам, присаживается и вытирает подолом платья запылившиеся башмачки.

— Как куколка! Очень хороши! — хвалит башмачки бабушка Каля.

Спим мы с двоюродной сестрёнкой в одной комнате. И она всегда засыпает первая. Даже поговорить не успеешь, как она уже посапывает.

А сегодня Алька ворочается, пыхтит и даже стонет. Я долго прислушиваюсь... Не заболела ли?

— Алечка, тебе нехорошо, да? У тебя что-то болит?

Она ещё раз тяжело вздыхает и таким тихим-тихим голосом отвечает:

— Нет... я думаю.

— Ах, ты думаешь! А зачем же пыхтишь, сопишь и, вообще, мешаешь мне спать?

Она молчит. Молчу и я: жду, когда ответит.

— Ха-ха! — взрываюсь я. — Она думает! По ночам! У нас в доме все спят и на улице спят тоже! Думает?!

— Ха-ха! — отзывается она. — Мне завтра, может быть, гостей звать надо. И день рождения справить!

— Какой ещё день рождения? — недоумеваю я. — Тебе, что ли, одного мало?

— Мало!

— Да если ты хочешь знать, в году два раза день рождения не справляют! Поняла? Вот!

— Поняла! Поняла! А вот ты поняла, что подарки в день рождения делают. Поняла? А ботинки — подарок? Подарок! Значит, надо справить! — убеждённо заключает Алька.

Что с ней, маленькой, спорить. Лучше скорей заснуть. Утро вечера мудренее, как говорит бабушка. Я с удовольствием зеваю, поворачиваюсь к стенке и засыпаю.

Пузень-дребезень.
Наступает белый день,
Не надо баловаться,
А надо целоваться.
Целуй, целуй, целуй!

Просыпаюсь от того, что слышу папин голос. Он склоняется надо мной и быстро, как скороговорку, говорит просыпалочку. Я открываю глаза. В комнате много света, солнца, и папа со смешинками в глазах.

Сна как не бывало! Целую его и бегу умываться. Вкусно пахнет блинчиками. Ну что за бабушка!

Посреди стола, бесцеремонно отодвинув к краям тарелки, миски, чашки, стоит, попыхивая, самовар. Альки за столом нет.

— Где она? — киваю я на пустой стул.

— Ты хотела спросить, где Алька? Мы ещё с ней не виделись, но я догадываюсь, что она умчалась «допоказывать» подарок, — говорит папа.

Наверное, так оно и было, потому что поели мы без неё. А после завтрака папа пошёл к себе в комнату работать. И воцарилась тишина. Так уж повелось, что возле нашего дома по доброй воле дежурят ребята. Дежурство не хитрое: всех, кто собирается играть в шумные игры, просят отойти от дома, где работает Аркадий Петрович. «Чужих» приходится предупреждать, а «свои», увидев дежурных, и сами отходят играть подальше.

Вот и сегодня, узнав, что Аркадий Петрович пошёл работать, Надя побежала звать ребят «делать» тишину.

И тут-то происходит нечто совсем непонятное... У нашего дома вдруг появляются нарядные ребята. У них очень важный вид, у некоторых в руках свёртки. Калитку открывает домработница Наташа, с удивлением глядит на ребят.

— Это куда-то вы направились? — недовольно встречает она гостей.

— Мы на день рожденья! — хором отвечают ребята.

— Нет у нас рожденьев. А вот Аркадию Петровичу мешаете.

Но ребята не унимаются. Все наперебой рассказывают, что сегодня их позвала в гости Алька, вот они собрались и принесли подарки. Переспорить Наташу дело нелёгкое.

— Расшумелись тоже! — слышится её недовольный голос.

— Кто мешает мне работать? — выглядывая из окна, миролюбиво спрашивает папа.

— Да, Аркадий Петрович, ребята к Альке на рождение пришли. А какое же у ней рождение? Алькино рождение когда бывает? А они и слушать не хотят. Вот и подарки принесли! — Наташа берёт

у одного из ребят свёрток. — И что главное, Аркадий Петрович, Альки самой и дома-то нет...

Гости после таких слов совсем опечалились. И только сейчас я вспомнила, о чём говорила мне перед сном хитрющая Алька.

— Папа! — обрадованно кричу я, подбегая к открытому окну. — Папочка, нагнись, я всё знаю! — заговорщически шепчу я и сбивчиво пересказываю разговор с Алькой.

Аркадий Петрович смеётся. Ребята смотрят на него и ничего не понимают. Только соседский мальчишка Николашка Алексеич тоже смеётся — так, на всякий случай. Но и тогда, когда папа перестаёт смеяться, в глазах его остаются смешинки. Так бывает всегда, когда он задумывает что-то интересное.

— А ну, бегите во все концы и достаньте Альку хоть со дна морского. И живой да невредимой доставьте на «Пир горой», — говорит он двум братишкам Сапуновым. — А мы с вами, — обращается Аркадий Петрович к остальным ребятам, — приготовим нашей имениннице сюрприз. Кто умеет стол накрывать да тарелки с чашками так ставить, чтобы они не разбивались?

— Я, я, я... — откликаются со всех сторон ребята.

— Дел для всех хватит. А чтобы нашу именинницу совсем удивить, приготовим мы ей кушанье по американскому способу.

— Ух ты, по американскому? — удивляются ребята.

— Мы не знаем такого, — понурия голову, признаётся всё тот же Николашка Алексеич. А потом, отважившись, спрашивает: — Между прочим, что это за способ?

— Способ не очень чтобы древний, но уже проверенный. И не было ещё человека, которому бы этот способ не понравился! — отвечает Аркадий Петрович.

Я-то сразу поверила. Потому что он знает так много этих самых способов, что даже яичница, которую я терпеть не могла, и та, по этому способу, оказывалась самой-рассамой вкусной.

И закипела работа. Дело нашлось всем. Стол выехал на середину комнаты, на него постелили белую скатерть, а соседская девочка Анечка принесла из дома цветы. Ребята так старались, что скоро им уже нечего было делать. И пока взрослые стряпали на кухне, мы ушли в комнату терпеливо ждать начала «рождения».

— Папа, а Альки всё нет! — говорю я.

— Кто сказал, что нет! — удивился он и незаметно показал на дверь.

Между занавесками видится одинокий глаз. Я его сразу узнаю. Но стоит папе сделать шаг, как глаз скрывается. Тогда Аркадий Петрович отдёргивает занавеску и торжественно объявляет:

— А вот и именинница!

Сзади стоят довольные братья Сапуновы. Им не пришлось добывать Альку со дна морского. Им вообще не пришлось её добывать. Потому что сидела она в канаве возле дороги в обнимку с незнакомой кошкой и приставляла к её глазам разноцветные стёклышки. Кошка оказалась упрямая, не хотела смотреть через стекло и больно царапалась. А Алька была ещё упрямее. Она зажала её между колен и всё равно заставляла смотреть. Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы не братья Сапуновы. Ни слова не говоря, они подхватили её за руки да за ноги и понесли. Вырываться, плакать или ещё того хуже — кусаться она не стала, хотя и умела. То ли поняла, что ничего хорошего из этого не получится, то ли вообще не успела ничего понять. Когда её поставили перед моей мамой, то она не сразу сообразила, в чём дело, и решила, что на Альке следы неравного боя. Она даже укоризненно покачала головой.

— Это не мы! Это кошка,— обиженные подозрением, заявили братья.

— Какая кошка? — не поняла мама.

— Кто её знает. Мы её сами в первый раз видим... — пояснил старший.

— Чужая, должно быть,— солидно пробасил младший.

— Чужая?! А вот и нет! Она нам с Аркавием Петровичем знакомая! Она у него один раз живую селёдку слопала! Он селёдку Женьке показать хотел, а она ам... и слопала,— широко раскрыв рот, охотно показывает Алька.

— Ну, хорошо, кошка кошкой, а как я тебя, такую царапанную, гостям покажу? — расстроилась мама.

— Каким гостям? Разве праздник? — хлопая глазами, словно не понимая, спрашивает Алька.

— Конечно! Разве ты забыла, что у тебя сегодня рождение? Вспомнила? Вот и отлично! А гости тебя просто заждались.

Тут «мудрой» Альке приходится всё-таки «вспомнить».

— А я... а я... я их, тётя Дора, на будущий год позвала.

— Ах вот оно что! — говорит мама.— Значит, они тебя не так поняли!

— Не так, не так! — обрадовалась Алька.

— Но гостям, я думаю, ты будешь рада и в этом году, правда? Альке остаётся только согласиться.

И вот она стоит и ковыряет ботинком пол. Алька смущена. За столом тесно, но никто этого не замечает. И еда всем кажется необыкновенной оттого, что сами помогали накрыть на стол. Я смотрю на ребят, и мне смешно, потому что у всех от удовольствия рты растянулись до ушей. И потом я подумала, что и у меня, может быть, такой же рот, и перестаю смеяться. И тут поднимается Аня и читает стихотворение. Стихотворение всем очень понравилось, и Аня получает премию — конфетку. Это тоже всем очень понравилось. Стихотворения читают и другие ребята. И все хором помогают. А Петя-Петушок читать не стал. Он запел про ёлочку, которая росла в лесу и которой метель пела песенку. Мы все эту песенку знали. Знали, а петь не стали. Потому что пел он очень тоненьким голосом, а мы так не умели.

Вдруг мне показалось, что кто-то плачет. Я посмотрела на ребят — никто! А Петя поёт. И плач продолжается, и теперь его слышат все. Папа извинился перед Петей и попросил его тоже послушать и сказать, где плачут. Плакали на улице.

— Это моя Галка,— хмуро промолвил Николашка Алексеич.— Ей тоже к Альке хочется...

Всем стало жалко Галку, которая уже скоро год как лежит в постели. У неё болят ноги. Все приуныли, потому что какое же это веселье, когда товарища в беде забыли. Папа поднялся из-за стола и вышел. Ребята приутихли. Только глупый Петя-Петушок ничего не понял и решил тихонько допеть про ёлку. Ребята на него посмотрели так, что другой бы на его месте на всю жизнь перестал петь, а Петя? Ему хоть бы что! Закрутил пуговицу на рубашке, сделал вид, что ему на эту пуговицу смотреть интересно и допевает песенку...

Папа вошёл в комнату с Галкой на руках. Глаза у неё сияют. Она пришла к Альке!

Рожденье продолжалось! Петя опять пел про ту же ёлочку. Читали стихи и как-то незаметно всё съели.

— А «способ»? Мы его тоже сегодня есть будем? — спросил Ваня Сапунов.

— Сейчас вам Алька про муху-цокотуху расскажет, а пока она вам будет рассказывать, я кое-что принесу,— хитро-прехитро улыбаясь, говорит Аркадий Петрович и уходит.

Читает Алька здорово! Даже прикидывается мухой и всеми бу-

кашками по очереди. Я вижу, что за занавеской стоят мама, бабушка, папа, Наташа, все слушают. Бабушка вытирает со щеки слёзы. Она всегда их вытирает, когда выступают дети.

Сапоги скрипят,
Каблуки стучат,—
Будет, будет мошара
Веселиться до утра:
Нынче муха-цокотуха...

— Именинница! Вот! — заканчивает папа и вносит в комнату большое блюдо.

Ребята повскакивали с мест и даже приподнялись на цыпочки, чтобы поскорее заглянуть в это загадочное блюдо «по особому способу». Но папа уже подошёл к столу и поставил своё чудо на самую середину.

— Ой!..

На «земле», покрытой «травкой», стоят «грибы» с красными шляпками. К «ножкам» и «шляпкам» прилипли листочки, а на «земле» лежат хорошенькие маленькие шишечки!!!

Первым опомнился Николашка.

— Вот это мировецки!

— А этот «способ» есть-то можно? — усомнился старший Сапунов.

— Попробуем! — И Аркадий Петрович начинает каждому «пересаживать» на тарелку «грибок» с кусочком «земли».

Ребята смотрят за каждым его движением. Никто до еды не до-трагивается. Даже тогда, когда «грибы» выросли у всех на тарелках, ребята продолжают смотреть как зачарованные.

— Чего же вы не едите? — удивляется Аркадий Петрович.

— Да! Мамка землю есть не разрешает!.. Она грязная!.. — опустив глаза, грустно говорит Петя-Петушок.

— Не грязная! А ми... ми-кробная! — поправляет его Анечка.

— Сама ты «ми-ми-кробная»! — заступился за «землю» Игорь.

Брать землю в рот и мне мама не разрешает. Но еду приготовил папа, и поэтому я решила всё-таки попробовать эту самую «землю с травкой». Пока ребята спорят, я беру с тарелки маленький комочек и кладу его в рот и закрываю глаза... Вкусно очень...

— Ребята! — кричу я.

Спор сразу же прекратился.

— Ребята! Это каша! Честное слово! Гречневая!

— Каша? Кашка! — захлопал в ладоши Петушок. — Моя любимая!

— А гриб-то из яйца!

— А шляпка из помидора!

Зелёная травка оказалась укропом, веточки — петрушкой. Решили попробовать и листья с шишками — уж не скрыт ли и тут какой секрет. Но секрета тут никакого не оказалось. И берёзовый листик и молодые шишечки оказались поправдашними.

Когда тарелки опустели, ребята с облегчением вздохнули, и Николашка Алексеич за всех сказал:

— Да, Аркадий Петрович, вкусно-тища-красотища!

— Я же вам говорил, — с улыбкой посмотрев на ребят, ответил Аркадий Петрович, — не было ещё человека, которому бы этот «способ» не понравился!

ШАМПИНЬОНЫ

Когда Аркадий Петрович решил развести шампиньоны в огороде, мало кто в это поверил. Мы тоже. Но папа много дней «колдовал» на грядке, приносил «особую» землю, что-то добавлял, поливал, а сегодня утром снял свой первый урожай!

Миску с грибами он поставил на окно в кухне и хотел приготовить к обеду шампиньоны в сметане. Даже сметана для них стояла в погребе. И вдруг... грибы исчезли. Кто мог их взять? К нам никто не заходил, но ведь кто-то взял?

Наташе кажется, что грибы взяла я или Алька. Не знаю, как Альке, а мне они, да ещё сырые, совсем не нужны. Ведь я не белка. Правда, папа тоже так не думает и просит Наташу успокоиться. Я знаю, ему обидно! Пропал его первый урожай!

И всё-таки грибов я не брала. И Алька тоже... Если она как-то насыпала щенкам землю в молоко, это ещё не значит, что и грибы взяла она.

Мы не пошли на улицу, а нарочно сели на краешек дивана, чтобы все видели, как мы переживаем несправедливую обиду. Алька даже начала громко дышать, как будто она всхлипывает. Но кроме Наташи, в комнату никто не заходил. Папа работал у себя, и никто наших

страданий не видел. А Наташа, каждый раз проходя мимо нас, бубнила, что мы с утра до вечера только и делаем пакости. Мы сдерживались, сдерживались, но вдруг губы у Альки задёргались и из глаз хлынули крупные-прекрупные слёзы.

Я тихонько обняла её за плечи и поцеловала в ухо, оно было сухое, а лицо совсем намокло от слёз. От того, что я её поцеловала, слёзы полились ещё сильнее. Услышав Алькин плач, Аркадий Петрович отложил работу и вышел к нам.

— Алька, что случилось? Или тебя кто поколотил?

— Аркавий Петрович, я больше не буду...

— Что не будешь?

— Делать пакости,— сквозь слёзы пообещала она.

— А ты их разве умеешь делать?

— Наверное... ведь я насыпала щенкам землю... я хотела, чтобы они приняли её за гречневую кашу, а они не приняли.

— И зачем Наташа говорит, что мы с утра до вечера всем пакости делаем? Это неправильно, мы и другое делать умеем,— пожаловалась я.

— А грибы я не брала! — всхлипывает Алька. — Зачем они мне? Низачем. И не могу же я делать две пакости подряд?

— Это почему же не можешь? — Аркадий Петрович едва сдерживал смех.

Глаза у Альки сразу просохли. Она недоверчиво посмотрела на него: неужели не понимает?

— Конечно, я могла бы... — объясняет она, — но ведь я тогда устану...

— Да, это верно! Но нет такого положения, из которого нельзя найти выход! — вдруг очень довольным голосом говорит Аркадий Петрович. — И я его нашёл! На кухню ша-гом марш!

Алька ещё разочек шмыгает носом и проводит рукавом по лицу.

— Дорогие женщины! — торжественно обращается он к бабушке, маме и Наташе. — В связи с изменившейся обстановкой шампиньоны в сметане отменяются. Предлагаю заменить их курицей, жаренной в сухарях. Надеюсь, возражений против этой замены не будет?

— Неужели свою пеструшку решил резать, Аркадий Петрович? — всплеснула руками бабушка.

Папа знал, как нравилась бабушке купленная им пеструшка, и поэтому поспешил её успокоить:

— Ну, что вы, мама! Для этого случая мы с девочками решили

сходить на рынок и купить другую, не такую симпатичную. Решили? — спрашивает он нас.

— Решили, решили! — охотно соглашаемся мы с Алькой.

Купить курицу оказалось не так просто. Со всех сторон неслоь кудахтанье. А нам нужна была не живая. Живая у нас у самих в сарае сидела.

Мы обошли весь рынок и уже собрались уходить, как вдруг появился какой-то проворный дядька. Он растолкал торговавших женщин, освободил себе место за прилавком и начал бойко выкладывать свой товар. Мы подошли к нему.

— Папаша, а не найдётся ли для этих вот образованных девиц на обед курицы? — на всякий случай поинтересовался папа.

— Как не найтись! Найдётся! Вот, выбирайте, — и дядька положил перед нами трёх крупных, мясистых кур.

— Ура! У нас будет курица! — закричали мы с Алькой.

Было решено, что с курицей папа справится сам. Мы же обещали

ему не мешать и сидеть возле стола тихо и смирно. Но стоило ему отойти вымыть руки, как Алька тотчас же забралась с ногами на стул и стала оттягивать курице лапы и крылья.

— Не трогай, а не то нас прогонят,— напонила я Альке.

Но она упрямо продолжала вертеть птицу в разные стороны.

— А знаете, что я сейчас подумал? — желая отвлечь Альку от курицы, говорит папа.— Вы грибы не брали? Верю! Зачем они вам, когда их и с грядки сорвать можно. Так даже интереснее. Лично я сорвал бы с грядки. Но ведь и из миски они без посторонней помощи исчезнуть не могли. В это я тоже верю! Это только Колобок от деда с бабкой сбежал, да и то такое только в сказке случается... Походите-ка вы вокруг дома да по огороду и внимательно посмотрите, не лежат ли они, аккуратно сложенные, где-нибудь в укромном да нелюдном месте?

— Но почему ты думаешь, что грибы должны лежать в этом самом «нелюдном месте»?

— Почему я так думаю? Да разве вы забыли, что я «хитрый лис»? Вот если бы у нас с окна арбуз стянули, тогда бы я сразу понял, что это дело рук большого, жадного до всего чужого хулигана. А если с окна ничем не знаменитые, мало знакомые клинскому жителю грибы шампиньоны пропадают, так это не иначе кого-то любопытство одолело. А как этому любопытному незаметно грибы обратно положить, если из кухни наши женщины уходить не собираются? Вот вам миска, и возвращайтесь поскорее с грибами.

Миску мы взяли, а понять, как это он так ловко и просто рассудил, не могли. Дело, конечно, не хитрое, коли грибы должны лежать и нас ждать, но найти возле нашего дома нехоженое место не так-то просто. Вот и получается, что и тут без хитрости ничего сделать нельзя!

Как мы ни хитрили, а себя перехитрить не смогли. Все места нам были знакомые. И долго бы нам ходить да бродить, если бы не соседский Николашка, которого Аркадий Петрович звал «Николашкой Алексеичем». Он незаметно из-за своего забора за нами подглядывал, но мы с ним уже целых два дня не разговаривали и первыми заговаривать не собирались. А он не иначе как собирался, поскольку за нами столько времени безотрывно наблюдал.

Но одному ему за забором сидеть надоело, и он, как бы нехотя, прокричал:

— Эй, что вы, как ищейки, по огороду носитесь?

Я сильно стиснула Альке руку, чтобы она молчала.

— Вы что, оглохли, что ли? Чего ищите-то?

— Чего-чего,— не вытерпела Алька,— не видишь, что ли? Нечеловеческие места.

Николашка обалдело вытаращил глаза.

— Че-го?..

— Грибы,— объяснила я и показала ему кусочек языка.

На язык он внимания не обратил, а вот моих слов как будто бы и ждал.

— Не эти ли поганочки ищите,— Николашка охотно показал под куст крыжовника.

— Алька, смотри! — пробираясь сквозь колючие кусты крыжовника, сказала я.

— Точненько! Они! Только поломанные... Это ты их сломал? — сердито спросила Алька Николашку Алексеича.

— Очень нужно мне их ломать! Думаешь, мне делать больше нечего? — И просто так подобрав лежащее у забора какое-то ржавое колесо, он зачем-то понёс его к дому.

Когда мы вернулись домой с грибами, папа улыбнулся и очень даже довольный нараспев сказал:

— До-бре! Доб-ре!

Вечером возле нашего дома долго взад и вперёд ходил Николашка Алексеич. И когда мы вышли на улицу, он подошёл к Аркадию Петровичу, поздоровался и повинным голосом проговорил:

— Аркадий Петрович, в нынешнем году я ни-и-чего у вас красть не буду. Честное слово!

— Добре!

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Много на свете игр. Ещё больше — мальчишек и девчонок! И каждому обязательно нравится какая-нибудь «своя» игра. Но нет на земле девчонки, которая хоть когда-нибудь не играла в «дочки-матери». В эту игру играли наши прабабушки и ещё долго будут играть девчонки на всей земле. Потому что игра эта очень нужная!

Посудите сами: захотелось маленькой девочке помочь маме.

А мама ей говорит: «Пошла бы ты погулять. Потому как помощи от тебя немного, а смотреть, как бы чего не натворила, у меня времени нет!»

А девчонка и ничего «творить» не собиралась! Хотелось ей просто помыть посуду. Ну и что из того, что в прошлый раз чашку разбила? Ведь разбила она её не нарочно! Чашка-то была стеклянная. И как она могла упасть и не разбиться?

Или захотела девочка подмести пол. А мама говорит: «После твоей уборки в пору противогаз одевать!» Но разве виновата она, что пыль зачем-то кверху подымается? А о том, чтобы помочь маме постирать, об этом даже не мечтай: «После твоей стирки тебя саму в пору в корыто сажать!»

Нет! Очень неинтересно быть маленькой!

Зато в игре «дочки-матери» ты самая главная и самая нужная. Пыль у тебя может столбом до самого неба подниматься: жалко, что ли? И посуду можно бить. Только незачем: она уже и так разбитая, вместо посуды одни черепки. Стирать можешь хоть целый день — бельё-то кукольное, понарошке. Хорошо быть «матерью»!

Или взять, например, «дом». Его можно сделать любого размера. Поднял простую палку и рисуешь на земле квадрат. Вот тебе и квартира! Хочешь две, хочешь три, а хочешь — сколько хочешь комнат! И никто не скажет тебе: «Не садись на кровать, для этого есть стул!» А у нас и кровать и стол и стул и диван — всё кирпичики да камушки, и сиди себе на здоровье, на чём хочешь: жалко, что ли?

Конечно, играть в «дочки-матери» интереснее летом. «Хозяйке» нужны «продукты», а летом что ни травка, что ни ягодка, что ни листочек — всё «продукты». Мы и мальчиков принимаем в игру, потому что играть всем вместе ещё интереснее.

Клин — городок маленький и тихий. Он весь зелёный, играть можно прямо на тротуаре. Правда, бывают прохожие, которым не нравится, что наш «дом» стоит у них на дороге, и они наступают прямо на наши «комнаты». Очень нам тогда бывает обидно! А эти взрослые ещё могут и сказать: «Тоже мне, нашли где играть! Безобразие!»

А «безобразия» никакого нет! Просто они не понимают, что хоть у нас всё и «понарошке», но всё равно «по правде»! И своими ногами по нашим комнатам ходить без разрешения никому нельзя! Вот так!

«Дочки-матери» любят гостей. Когда приходят гости, они обязательно должны поесть. Если ты приготовишь «вкусно», гости всё съедят, и «хозяйки» рады. Но специальных гостей у нас нет — гости мы сами. Разве от этого нам не так интересно?

Сегодня мы тоже ждём «гостей». Пол чисто выметен. Тряпочки-салфеточки лежат на своих местах. Возле входа самая красивая тряпочка-половичок. Одни «папы» ушли гулять с «детьми», другие на базар. А мы, «мамы», готовим всякую вкуснятину.

Из дома выходит Аркадий Петрович. Увидел нас, подошёл.

— Здравствуйте, дорогие хозяйюшки! Мир вашему дому! — кланяясь, приветствует он нас.

Довольные, что нас называли «хозяйюшками», мы тоже с поклоном здороваемся и, хотя утром виделись, тоже, как он, говорим:

— Здравствуйте, и вашему миру дом!

Папа улыбнулся. Помолчал, потом говорит:

— Сидел я у себя в комнате, работал. Вдруг чувствую: чем-то вкусным пахнет. Пошёл я по этому запаху, и привёл он меня... к вам. Не у вас ли, милые хозяйшкИ, так вкусно пахнет?

— У нас вкусно, у нас...— хором отвечаем мы.— У нас сегодня «гости» понарошке.

— Гости понарошке? А если гости по правде? — хитро спрашивает папа.

— А у нас понарошке — по правде.

— А так бывает?

— Бывает, потому что такие гости мы сами. А раз у нас понарошке мы сами — значит, это по-правде!

Папу наш ответ вполне устраивает.

— Ну, если у вас сегодня гости, то не могу ли я быть вашим гостем?

Мы молчим. Молчим от счастья. Сколько раз мы играли, но ещё ни разу никто из взрослых к нам в гости не приходил. А папа, наверное, решил, что мы не соглашаемся, и немножко загрустил.

— Аркавий Петрович, вы правда хотите к нам в гости? Или вы нас обхитряете? — подозрительно спрашивает Алька.

— Почему же обхитряю? Разве я на гостя не похож?

— Похож по-правде, а у нас нужно, чтобы понарошке.

— Но вы же сами сказали, что у вас всё понарошке — по правде?

— Ты просто очень большой, — наконец объясняю я, — и можешь у нас не поместиться. А если бы поместился...

— Я постараюсь, честное слово! — спешит заверить нас папа.

— Тогда идите к нам в гости! Пожалуйста! — обрадовались мы.

Аркадий Петрович очень аккуратно вытирает ноги о наш половичок, а мы стоим и думаем, как он может такие большие ноги вытереть о маленький кусочек тряпочки? А он вытер и даже не смял! И мы сразу же очень полюбили нашего воспитанного и аккуратного гостя.

От счастья забыли, что нам делать с гостем. И когда Анечка предложила ему сесть, мы так и ахнули: «Сесть? Так на что же он,

такой большой, сядет?» А он взял и сел! На тот кирпичик, на который показала ему Анечка. Сел и спросил:

— Простите, а куда ведёт эта чёрточка-стенка? Не поврежу ли я, если слегка протяну хотя бы одну ногу?

Ну как мы могли не разрешить такому воспитанному гостю?!

— Пожалуйста, не стесняйтесь! И куда хотите протягивайте свою ногу. Там всё равно улица-мостовая! И другую тоже давайте куда хотите! У нас всё можно!

Аркадию Петровичу сидеть было не очень-то удобно, но когда он узнал, что его нога может оказаться на мостовой, он сказал:

— Пожалуй, я и так посижу...

— Мы же говорили, что у нас всё можно! — соглашаемся мы.

Папа осмотрел наш «дом», поинтересовался, какие комнаты солнечные, какие теневые. Спросил, кто ведёт хозяйство, и похвалил за чистоту и порядок.

— Аркадий Петрович, выпейте, пожалуйста, чашечку чаю, — подражая взрослым, предложила я. — А если хотите, мы вас можем и накормить.

— И от чашки горячего, крепкого чая не откажусь, — охотно согласился он.

И мы сразу же принялись «угощать» нашего такого некапризного гостя. А он сидит, держит на коленях «тарелочку-черепок» и нахваливает.

— Какое удивительное блюдо! Какой необыкновенный вкус!

— Да, вкус очень вкусный, — охотно соглашается Алька. — Это я помогла так тонко готовить. Правда, я хорошо умею помогать?

— Конечно, — согласился Аркадий Петрович, — помогать тоже нужно уметь!

Когда папа всё «съел», мы «убрали со стола», и он ещё долго с нами разговаривал.

Потом папа встал со стула-кирпичика и поблагодарил за угощение, за интересную беседу и попросил нас сбегать к бабушке за тазом, в котором она варит варенье.

— А для чего таз? Вы стирать у нас будете? — спросила Алька.

— Стирать не будем. А пойдём сейчас в город... Зачем таз? Этого я вам пока не скажу, потом узнаете. Пока это ТАИНА!

И вот с тазом мы отправились в город! «Городом» почему-то называется у нас самый центр Клина, как будто бы весь остальной город — это не город... Мы шли в центр.

Анечка была самая высокая, и ей поручили нести таз первой. Она шла впереди, и вид у неё был очень важный. Тут нас догнали мальчишки. Аня подошла к Ледику, что-то ему сказала. Он взял у неё таз, а Аня подошла к нам.

— Жень, а ты знаешь, твой папа всё съел по правде! — зашептала она. — Всё-всё съел! Я потом за «стулом» смотрела, и там ничего не валяется! Ужас! И что с ним будет?

Я очень расстроилась и потихоньку стала смотреть на папу, стараясь понять, происходит с ним «ужасное» или нет. А папа шёл и весело разговаривал с ребятами. И никакого «ужаса» не было видно.

Мы вышли на главную площадь. Там зимой и летом стояла тётя Таня и продавала мороженое. Ах! Вы не знаете, какое это мороженое! Голос у этой тётеньки — и тот вкусный! Что голос, даже то, как она делает мороженое для других, и то вкусно! Почему «делает»? Да потому что у неё только мороженая масса, и её ещё нужно положить в формочку. Так вот: стоит возле неё тачка, в тачке бочонок с мороженым. Тётя Таня берёт железную баночку на длинной ножке (большую или маленькую — это от цены зависит), кладёт на дно вафельку, наполняет баночку мороженым, сверху прикрывает другой вафелькой, нажимает на эту самую ножку, и оттуда выскакивает кругленькое, как колёсико, мороженое! А вафельки не простые. На них выдавлены... ИМЕНА! Пока тебе делают мороженое, ты стоишь и думаешь: вафелька, миленькая, ну что тебе стоит, попадись, пожалуйста, с моим именем!.. И если твоё имя тебе попадётся, ты делаешься самым счастливым человеком на всю жизнь, а может быть, и больше, чем на всю жизнь. Это мороженое нужно держать двумя пальцами, большим и указательным, и, медленно поворачивая, облизывать. При этом в рот всё время попадают пальцы, но от этого мороженое не становится хуже.

Когда Аркадий Петрович подошёл к мороженщице, мы просто обалдели! Все стали толкаться, наступать друг другу на ноги.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он с мороженщицей.

— День... добрый... — удивилась и даже слегка смутилась она.

— Простите, не знаю вашего имени-отчества?

— Марь Петровна... — ещё больше удивилась тётенька.

Аркадий Петрович улыбнулся.

— Я тоже — Петрович.

Это была другая мороженщица, а не тётя Таня, которую мы все хорошо знали и любили.

— А где наша тётя Таня? — спросили мы Марь Петровну.

— Да опять у неё детишки заболели. Простое ли дело, столько детей иметь! Здесь не знаешь, как одного вырастить, а тут десять! И все парни. От них каждую минуту беды жди. Умельцы!

Я потихоньку дёрнула папу за гимнастёрку, чтобы он с ней долго не разговаривал. Он понял меня, но опять обратился к ней:

— Так, Марья Петровна, не откажите нам в нашей просьбе. Я только что был в гостях вот у этих хороших людей...

Мороженщица с недоверием посмотрела на нас.

Мы от смущенья опустили головы.

— ...и мне бы хотелось, очень хотелось отблагодарить их за гостеприимство и угостить мороженым. И, пожалуйста, пусть на каждой вафле будет его имя!

Марь Петровна сразу же согласилась. Папа велел нам построиться и, выткнув в сторону руку, командирским голосом скомандовал:

— В одну ше-ре-нгу стройсь!

Нам хотелось поскорее построиться. Но как мы ни старались, везде оказывался «этот самый таз», и шеренги у нас не получалось.

На помощь пришёл папа. Он взял таз, и шеренга у нас сразу же получилась. А мороженщица уже готовила мороженое.

— Ну, выкликайте по очереди своё имя, — обратилась она к первому «счастливчику».

Марь Петровна ловко находила наши имена, и ребята, довольные, уходили в сторонку — рассматривать вафли и потихонечку облизывать мороженое. Когда очередь дошла до последнего и остался один Аркадий Петрович, мы подошли к Марь Петровне и сказали:

— А теперь найдите «Аркадий», его так зовут, — показывая на нашего «гостя», сказала Аля.

Марь Петровна положила на дно вафельку, наполнила баночку мороженым и стала искать папино имя. Искала долго, а потом сама удивилась:

— Нет такого!

— Как это нет?! — заволновались мы. — Должно быть. Ведь его правда так зовут.

— Да верю я вам, верю! Просто имя редкое — вот и нет.

Вид у неё был виноватый, как будто мы ей не верим, а мы верили, но нам очень хотелось, чтобы она всё равно нашла бы имя Аркадия Петровича. Марь Петровна даже разрешила ей помочь, но как мы ни старались, такого имени не нашли.

Мы посмотрели на Аркадия Петровича: он стоял спокойно. А мы смотрели на него жалостливо, и он не выдержал.

— Ну, что вы расстроились? Не нашли моего имени? Так разве это беда? Вот если бы вы меня потеряли... а раз я здесь — значит, всё в порядке. А на этой вафле пусть будет имя «Серёжа» или «Алька». Разве мороженое от этого станет хуже?

А потом Аркадий Петрович велел нам отвернуться и не оборачиваться до тех пор, пока он не скажет: «Можно».

— Только, чур, не подглядывать!

Мы повернулись к нему спиной.

Стояли долго, переминались с ноги на ногу, никто из нас и не думал подглядывать. Зато когда раздалась команда: «Кругом!» — быстро повернулись.

— Ой!..— Мы скорее испугались, чем обрадовались.

Аркадий Петрович держал перед собой таз, и таз этот был полон... мороженым.

— Всё нам?!

От радости мы запрыгали.

— У вас сегодня гости, а я у вас был гостем «нежданным». Когда же придут «жданные», вам будет чем их угостить.

Таз с мороженым мы несли по очереди, держа его с двух сторон. А потом в игрушечном магазине Аркадий Петрович купил огромную коробку и, передавая её нам, сказал:

— Очень приятно побывать у гостеприимных хозяев. И я знаю, что хозяйки любят, когда у них красиво сервирован стол. Если бы на земле не было добрых людей, наверное, не было бы и гостей. Потому что злым и недобрым всегда и всего жалко. А жить для себя и не думать о других совсем неинтересно! Пускай ваш «дом» всегда будет открыт для ваших хороших и добрых друзей, а этот красивый сервиз будет украшать ваш стол!

Аркадий Петрович передал нам большую коробку.

Нет, никогда у нас не было такого хорошего гостя!

ЖУЛИК И ИГРУН

Аркадий Петрович любил делать подарки не только ко дню рождения или к праздникам, но и просто так. И вдобавок умел дарить по-особенному, как никто другой.

...Тихонечко, боясь меня разбудить, проходит бабушка. А какой там сон, если в сарае стоит только вчера купленный папой велосипед?! Он мне даже во сне приснился.

Время раннее. Только петухи проснулись. Люди ещё спят. Через тонкую стенку слышу, как мама разговаривает с бабушкой.

— Ну, куда он мог исчезнуть? — Это голос мамы.

— Наверное, пошёл побродить. Может, к реке спустился? — В бабушкином голосе тревога: — Когда я за водой к колонке ходила, всё по сторонам смотрела. Нигде не видать.

— Не потеряется...

— Вот и я говорю, зачем он в сених лёг? Не иначе как из дому хотел выйти незамеченным.

— Да всё будет хорошо! — Это опять мамин голос.

Потом мы все уснули. Уснула и я, но, видно, ненадолго. Проснулась от сильного стука в калитку.

— Кто бы это в такую рань? — слышу, как вскакивает с постели и поспешно набрасывает халатик мама.

А я уже у окна и с интересом разглядываю какую-то незнакомую толстую тётку с плетёной корзиной на руке. Она стоит у калитки. Большое железное кольцо заменяет нам звонок.

— Вам кого? — подходя к окну, спрашивает мама.

— Здесь живёт представительный такой мужчина? — спрашивает тётка грубым голосом и, подражая папе, высоко поднимает голову.

— Да, — догадавшись, о ком она спрашивает, с улыбкой отвечает мама.

— Так вот, велел передать... — И тётка осторожно ставит на подоконник полную крынку сметаны.

— Сколько я вам должна?

— Да что вы! За все уже уплатил, прямо с крынкой. Кушайте на здоровьице. — И уходит.

— Вот видишь, нашёлся, — говорит мама бабушке. — И волноваться было нечего.

Не успела я съесть чашку сметаны с сахаром, слышу — в калитку снова стучат:

— Хозяюшка, отвори!

Я выбегаю во двор. Мама уже у калитки.

— Уж не знаю, сюда ли, — говорит женщина, недоверчиво разглядывая маму.

— А вам кого?

— Да вот мужчина сказывал, что здесь постарше есть... мамой называл... Сказывал, она кур хорошо готовит...

— Мама! Это к тебе! — кричит мама бабушке Кале, и в глазах у неё весёлые-развесёлые огоньки.

На ходу вытирая о фартук руки, подходит бабушка.

— Доброе утро! Вы ко мне? Проходите, пожалуйста.

Бабушка Каля удивлена! Эту женщину она видит в первый раз.

— Да нет, спасибочко, я тут. Мужчина велели курочку домой занести.

Теперь уже никто не спрашивает: «Кто велел» — и без этого всё ясно.

Женщина поправила платок на голове и, пожелав нам всего хорошего, пошла к калитке.

— Подождите, а как же деньги? — кричит ей вдогонку бабушка.

— Неужто я не сказала, что мужчина заплатил? Вот голова!

Заплатил, голубушка, заплатил за всё и за то, что сюда согласилась принести. Хороший такой и всё улыбается.

— Очень хороший!

Довольные друг другом, они расходятся, и бабушка идёт к сараю, чтобы устроить там курицу. Не успела она открыть дверь, как ей вслед кричит мамина сестра:

— Ма-мочка! Тебя спрашивают!

— Что за наказание! — сердится бабушка. — Не дают человеку и минуты покоя!

Я выбежала во двор.

Вижу: маленькая сухонькая старушонка рассказывает бабушке, что нынче в лесу грибов мало.

— Почитай, дня четыре ходила, чтобы эту баночку засолить. Ну и время — грибов в лесу нет!! Срамота какая!

Глаза у старушки хитрые-прехитрые, так и бегают из стороны в сторону. Да и говорит она как-то неприятно, нараспев.

— Вот грибов принесла. Да ты не сумлевайся, матушка, правила-то знаем, как приятность грибу придать, — поясняет она.

— Спасибо, да только почему мне?

— А кому же другому, матушка? Как сынок велел, так и делаю. Сынка, похоже, хорошего вырастила. Доброго. На грибы денег не пожалел.

— Доброго, доброго, — соглашается бабушка. Но разговаривать со старушкой ей не хочется.

Бабушка отнесла банку в дом, а мы побежали с Надей в сарай за велосипедом.

Не успели вывести его, как слышим звонкий мальчишеский голос:

— Дома кто-нибудь есть?

— А зачем тебе кто-нибудь? — озорно подпрыгивая на одной ноге, спрашивает Надя.

— А мне тётянька нужна, — в тон Наде отвечает мальчик.

— А как тебя зовут? — не унимается она.

- Володей! А вас?
— Её Женей, меня Надей. Может, всё-таки мы тебе нужны?
— Сказал — тётянка.
— Сейчас позову, — наконец перестаёт дурачиться Надя. — А зачем ты к нам пришёл?
— Щенков принёс.
— Каких щенков?
— Обыкновенных. Хочешь посмотреть?
— Конечно, хочу.

Володя раскрывает сумку, и я вижу на дне её, тесно прижавшись друг к другу, сидят двое маленьких щенят. От яркого света они вздрагивают и начинают пищать и чмокать язычками.

- Ой, какие хорошенькие! Можно погладить?
— Гладь... жалко, что ли... Да не бойся, не укусят, они знаешь какие добрые, особенно вот этот, — показывает он на жёлтенького щеночка.

- Ты ко мне, мальчик? — подходя к нам, спрашивает мама.
— Не мальчик, а Володя, — вмешиваюсь я в разговор.
— Очень приятно, Володя. Значит, ты ко мне?
— Наверное... У нас тот дяденька щенят купил и попросил к вам принести, — отвечает он.

— Мама, я их уже видела. Хорошенькие-прехорошенькие! Прямо прелесть! И добрые, совсем не злые. Ну, правда. Не веришь?.. — боясь, что мама их не возьмёт, торопливо говорю я.

— А я и не собираюсь тебе не верить. Знаю — папа плохих не купит. Давай-ка их сюда! Говоришь, сразу двоих? Значит, им скучно не будет.

— Ясно, не будет, а что им скучать? — обрадованно говорю я.

Володя осторожно вынимает из сумки щенят и передаёт их маме.

— Только вы их в тепле держите и молока не жалейте.

— Хорошо,— соглашается мама.— Если ты советуешь не жалеть, придётся не жалеть.

— Только...

— Что — только?

— Только разрешите,— осмеливается Володя,— заходить на щенят смотреть?

— Обязательно заходи! — говорим мы.

Щенят мы посадили в большую бельевую корзину и дали им свой мяч. Играли они недолго и скоро перессорились. Чёрный отобрал у жёлтенького мяч и забился с ним в угол. Жёлтенький оказался не жадным и отнимать не стал. Зачем отнимать, если он с ним играть не хочет? И чем хуже играть со своим хвостиком? С ним даже интереснее: он закатиться никуда не может.

— Добрый пёс на них не лает, только хвостиком виляет...

Мы даже не заметили, как подошёл папа.

— Папочка! Как здорово, что ты их купил! Спасибо тебе, большое-пребольшое! А как мы их назовём?

— Вот этого жёлтенького я бы назвал «Игрун», а чёрного, я думаю, сто́ит назвать «Жулик».

— Да, он и правда жулик: стянул у Игрунчика мяч. У! Жулик!..

На крыльцо выходит бабушка:

— Девочки, завтрак готов. Мойте руки.

— Доброе утро, мама! — Папа здоровается с бабушкой.

— Доброе, доброе утро, Аркадий Петрович! Сначала мы потревожились, а потом поняли, что всё хорошо...

— Всё отлично! А вареники с капустой будут?

— Уже на столе,— говорит бабушка и приглашает всех к столу.

ВЕЩИЙ СОН

Нет! Не каждому снятся такие интересные сны, как моему папе! И уж, конечно, не всякому удаётся эти сны досмотреть, если вдруг ты почему-то среди ночи проснёшься. А папа сразу же закрывал глаза и досматривал. Нам же такие сны не снились и досматривать, как мы ни старались, не удавалось. Почти каждое утро папа нас спрашивал:

— Ну, люди добрые, признавайтесь, снились ли вам какие-нибудь диковинные сны.

Нам совсем не хотелось «признаваться», что не только диковинных, но даже самых простых снов мы не видели, но говорить нужно правду, и, понурия головы, мы отвечаем:

— Нам бы, конечно, хотелось, но...

Но в последний момент мудрая Алька всё-таки не сдаётся и на всякий случай «признаётся», что, наверное, ей снился какой-то раскрашенный сон. Только какой, она вспомнить не может... и тяжело вздыхает. Папа всегда в таких «сложных случаях» улыбается и говорит мудрой Альке:

— Это не самое страшное, Алька, бывает и хуже! Например: увидишь себя во сне. Мчишься ты на боевом коне, в ушах свист пуль, кругом бомбы рвутся, из пушек палат, стоны, крики... а ты неверо-

ятные подвиги совершаешь, за что тебе боевые награды вручают! А просыпаешься... ни взрывов, ни стонов, ни боевых наград. А сидит у тебя на постели всем известная кошка Ефросинья и гостей намывает...

— Да,— сочувствует Аркадию Петровичу добрая Алька,— уж лучше бы вы спали без этих взрывов!

Однажды папа проснулся — и сразу же в нашу комнату.

— Эй, вы, сонные тетери, отворите-ка мне двери!

Это он просто так про двери сказал — они открыты. Но если пришёл так рано, значит, что-то придумал.

— Мы совсем не «сонные тетери», а «сонные девочки», — поправила его Алька.

— Добре! — соглашается папа. — Тогда поскорее просыпайтесь, иначе ничего не поймёте или, ещё того хуже, не сможете мне помочь.

И хотя я сразу же догадалась, что папа что-то задумал, но понарошке «ничего не поняла» и спросила:

— Чего не понять? Чего не помочь?..

— Не сможете помочь найти мне... клад!

— Ой! — в один голос вскрикнули мы с Алькой. — Поправдашный?

— В том-то и дело, что не знаю сам. Приснился мне...

— Сон! — сразу догадались мы.

— Сон! Но только не простой, а вещий!

— Из чего «вещий»? — поинтересовалась Алька.

— Не понимаю я тебя, Алька. Что значит — «из чего»?

Алька умненько усмехнулась.

— Ну, если не простой, а вещенный — значит, шёлковый... или даже меховой, не понимаете, Аркавий Петрович, что ли?

— Не понимаю, Алька! «Вещий» — это значит — всё видящий наперёд.

— А разве сон может видеть, да ещё наперёд? — усомнились мы с Алькой.

— Сон-то не увидел, а вот я увидел, как ходят по нашему огороду какие-то незнакомые и, прямо скажу, подозрительные люди. Не просто ходят, а вроде бы чего-то ищут, а чего ищут, понять не могу...

— И мы не можем! — посмотрев друг на друга, печально сказали мы.

— Может быть, огурчики?

— Да нет, не огурчики. Чего их искать, когда лежат они себе на грядках открыто и ни от кого не прячутся.

— А может быть, это воры или разбойники? — спросила Алька.

Мы удивились: какие же у нас разбойники?

— Папа, может, она Николашку считает разбойником? Но он ведь даже не совсем вор?

— Ну, какой же он вор! Если он в прошлом году с нашего подоконника шампиньоны стянул, так это же из-за любопытства. А так... пожалуй, разбойников у нас не найдётся!

— Не найдётся!..— вздохнула Алька.

Мы молчали. Потому что если уж он не мог догадаться, то мы и подавно.

— Значит, так! — вдруг решил папа. — Сон мой вы теперь знаете. Что он не простой, а какой-то загадочный — тоже ясно. Остаётся проверить, что искали у нас эти чудачки. А для этого, не теряя времени, быстро одеваться, завтракать и за дело!

Долго нас ждать не пришлось. Быстро одели мы с Алькой сарафаны, на босу ногу сандали и ещё быстрее побежали завтракать. И ели охотно, и никто нам не говорил, что мы всяких там ворон считаем.

Во дворе папа подвёл нас к сараю и велел выбрать себе грабли. Мы очень удивились.

— Граблями только сено да мусор убирают! — сказала я.

А Алька добавила:

— А разве клад — это мусор? Это богатство.

— Конечно, клад не мусор. Но если нам на пути мусор попадёт-ся — не наступать же на него? Возьмём мы эти грабли и его соберём. А когда в огороде порядок, сразу видно, что у него хозяин хороший.

С папой нельзя не согласиться. Я презрительно посмотрела на Альку, которая без конца задаёт дурацкие вопросы и сама же затягивает поиски клада.

— Грабли на пле-чо! На огород ша-гом марш! — по-военному ско-мандовал папа, и мы пошли.

— А петь шагательную песню будем? — снова начала Алька.

— Будем, Алька, обязательно будем!

И папа запел:

«По долинам и по взгорьям...»

Такие песни как-нибудь петь нельзя, и мы изо всех сил старались: «Шла дивизия вперёд, чтобы с боем взять... три моря!» От обиды, что Алька портит песню своим «три моря», я изо всех сил наподдала ей коленом. А она ти-хо-неч-ко, чтобы не слышал Аркадий Петрович, назло мне допела:

— Белой а-рми-и ко-м-пот! Вот! — и показала мне язык.

Пели мы не долго: огород рядом. Папа по-честному разделил весь участок на три равные части, поднял руку и сказал:

— Приго-товиться! — Опустил руку и неторопливо добавил: — На-ча-ли!

Мы принялись за работу.

Когда за Николашкиным забором что-то подозрительно зазвякало, я сразу же догадалась, что за кустами скрывается сам Николашка. Звякает, чтобы привлечь наше внимание. Он всегда так делает. Я ещё старательнее стала собирать мусор между грядками, чтобы как будто его не заметить. Но хитрый Николашка стал ходить вдоль забора и проводить по нему палкой. Тут уж его заметил и Аркадий Петрович.

— Ты что, Николашка Алексеич, без толку палкой по забору водишь? Или у тебя другого дела нет?

— Совсем нет дела! — радостно откликнулся Николашка.

— Плохо, когда у человека время без толку пропадает,— почувствовал ему Аркадий Петрович.

— Конечно, плохо,— согласился Николашка,— и когда без толку тоже...

— А ты возьми и матери огород прополи...— подсказал ему папа,— или воды нанеси.

— И вода есть, и огород отец вчера прополот...— вздохнул Николашка.

— А тогда клад, как мы, ищи,— посоветовала ему Алька.

— Что-о-о? Клад? Какой клад? — Николашка от удивления полез на забор.

— «Какой, какой»! Вещий, правда, Аркавий Петрович?

— Клад, Алька, простой,— поправил её папа,— а вот сон был вещей...

И из-за болтуньи Альки пришлось нам Николашке всю тайну рассказать. Ещё и в помощники его Аркадий Петрович позвал...

А так как он ноги с забора уже свесил в наш огород, то звать его долго не пришлось: он тут же начал от одного к другому бегать

и у всех из-под граблей мусор выхватывать и на компостную яму относить.

Вдруг мои грабли за что-то зацепились... я потянула и... вытянула мой автомобильчик!

— Ой! — закричала я. — Клад начинается!

Алька бросила грабли и подбежала ко мне. Она закрыла глаза руками и дрожащим от волнения голосом пропищала:

— Ой, Женечка! Как он сверкнул! Мне даже глаза обожгло!

За ней, чуть ли не по грядкам, нёсся Николашка Алексеич.

— Аркадий Петрович! Сюда! Они и правда склад, то есть клад, открыли! — вопил он на весь огород.

Когда Аркадий Петрович подошёл, мы начали аккуратно выгребать землю, выгребать так аккуратно, как будто там были не драгоценные драгоценности, а куличики из песка, и они могли развалиться.

Ой! Сколько мы всего нашли! Просто ужас! И матрёшку, и две чашки от нашего сервиза, разбитую фарфоровую куколку, но всё равно очень хорошую, мамины бусы, которые она мне подарила, мои ленты и ещё несколько Алькиных формочек, которые она уже давным-давно потеряла.

— А где же всякие богатства? — спросила Алька.

Папа хитро посмотрел на нас:

— А это разве не богатства?

— Конечно, это самое-рассамое богатство! — успокоила я Альку.

Но Алька уже отряхивала от земли свои вещи и складывала их в подол платья.

Николашке я подарила автомобильчик, и он сразу же побежал показывать его своим. А мы, грязные, усталые, но тоже очень довольные, пошли домой.

— Откуда такие чумазы девочки? — Мама даже руками всплеснула.

— Со склада! — гордо объяснила Алька и отогнула подол платья.

— С какого склада? — не поняла мама.

— С огородного!

Мама с недоумением посмотрела на нашу развесёлую компанию.

— Да, Дорик, действительно с «огородного»! Наши девицы нашли там свои «очень нужные вещи», а пока искали, представляешь, огород в порядок привели!

Нам было очень приятно, что нас похвалили.

Вечером мы пили чай с пирогом. На пирог мы пригласили и Николашку. Когда вышли из-за стола, Алька попросила Аркадия Петровича:

— Аркавий Петрович, вы, пожалуйста, сегодня пораньше спать ложитесь, чтобы вам вещий сон присниться успел! Ладно?

— Добре, Алька! — улыбнулся папа.

И мы пошли спать.

«ЕДЕТ ПАПА НА ВОЙНУ ЗА СОВЕТСКУЮ СТРАНУ»

Цветы на столе — их только что принесла мама, — и из репродуктора страшное слово: «Война».

В комнате тихо, даже очень тихо...

Только голос из репродуктора нарушает эту тишину. Молча, сдвинув брови, подтянуто по-военному стоит папа. Голос папы звучит твёрдо, но я не понимаю, о чём они разговаривают с мамой. Догадываюсь только, что разговор у них невесёлый.

Мешать нельзя, и я забираюсь с ногами на папину тахту.

Обо мне забыли... совсем забыли... Если ты маленькая, значит, о тебе и забыть можно? Мне хочется плакать. Слёзы всё больше и больше навёртываются на глаза, и, наверное, я начинаю громко реветь, потому что чувствую, как мне на плечо ложится такая знакомая и такая хорошая-прехорошая рука.

Рука вытирает мне нос, сажает к себе на колени и прижимает мою голову к своей груди.

— Очень давно мы не видели, чтобы эта девица так естественно изображала отчаяние, — говорит папа и, сложив ладонь лодочкой, подставляет её к моим глазам.

— Смотрите, люди, это же настоящие слёзы, попробуйте, они даже солёные, ну прямо как по правде!

И папа, попробовав слезинки, смешно облизывается. Пробует и мама. Но она находит, что слёзы несколько пересолены, и даже берёт в рот любимую сосучую конфетку. Даёт и нам с папой. И от этого обиде совсем не остаётся места.

— Теперь подними голову прямо и не смей её опускать. Мы не имеем права хныкать. Да, нам плохо — тебе, мне и всем нам плохо, и поэтому мы и должны собраться с силой. А у нас ой-ёй-ёй как много сил! И тогда-то уж наверняка всё будет хорошо. Слышишь, хорошо! — нараспев говорит он. — Не придётся нам с тобой, Женька, походить сегодня по стране Арбатии. Не сможем мы полюбоваться её удивительной и древней архитектурой. Но верю, будут у нас с тобой интересные походы по неизвестным, далёким и близким странам. А тогда узнаешь ты много нового и интересного. И от всего этого станет наша Женюрка ещё умнее и любопытнее...

— А как же Семён Нилыч! Значит, мы к нему не пойдём? А ты хотел вернуть ему рукопись...

Высокий, худощавый, в больших крупных очках, Семён Нилыч был очень вежливый и серьёзный. И мне казалось, что он должен быть учителем. Но я ошиблась. Он работал на заводе и был «очень-преочень» хорошим мастером, как сказал мне папа. А ещё он писал рассказы и повести и приносил папе читать. Папа ему никогда в этом не отказывал. Я представила себе, как ждёт нас и волнуется Семён Нилыч, и мне стало его жалко.

Но папе тоже, наверное, было его жалко:

— Да, хотел... Грустно! Человек ждёт, да и мы с тобой тоже было собрались и настроились. — И, немного помолчав, сказал: — Слушай меня внимательно, Женья! Отдаю я тебе боевой приказ — рукопись спрятать и отдать её Семёну Нилычу по первому его требованию. И передать от Гайдара, что золотые руки Семёна Нилыча должны сделать чудо! Потому что напал на нашу землю вражина и должны мы его одолеть, а без этого не будет нам жизни. А потом, когда отгремит на нашей земле последний залп, сможет Семён Нилыч взяться за перо и напишет тогда книгу о том, что пережила наша страна, и напишет обо всём этом хорошо и просто!

— Хорошо! Я ничего не забуду и никому, кроме Семёна Нилыча, не отдам. Только о каком чуде ты говоришь?

— Хороший ты человек, Женька, а не понимаешь. Семён Нилыч очень хороший мастер. И человек очень хороший. А если человек своё дело любит да знает, он может такое чудо сотворить, которое и фокуснику не под силу.

— Значит, он может помочь быстрее разбить вражину? — обрадованно говорю я и запикиваю рукописи Семёна Нилыча в нижний ящик папиного рабочего стола.

В ящике повыше стоит шкатулка, подаренная папе.

— Ты обещал мне показать, что в этой железной шкатулочке.

— Мне самому интересно посмотреть, но ключ от неё потерян, а ломать я не хочу. Потерпи, и как только будет у меня время, увидим, что за «сокровища» подсунил нам этот богатый человек.

«Богатый человек» — Семён Нилыч.

Конечно, мне не очень хочется ждать, но меня приучили быть послушной и терпеливой, и я не показываю своего нетерпения. Я знаю, что в шкатулке монеты, монеты разных царей, очень древние монеты, каких я ещё никогда не видела. Папа монеты не собирает, но от подарка не отказался, чтобы не обидеть человека.

Раз папа сказал «потерпи» — нужно потерпеть...

Из-за контузии медицинская комиссия освободила Аркадия Петровича от военной службы. И теперь ему, старому солдату, не обойтись без «военной хитрости», иначе никак не разрешат поехать на фронт! Уж на что мирные эти Серёжа Розанов и Рувим Фраерман, но они здоровы и им уже присвоили военные звания.

Папе обидно!

Мне трудно поверить, что такому большому и сильному человеку может быть обидно.

Дни идут, а разрешения нет.

С утра до вечера в доме только и говорят о войне. Раньше, за вечерним чаем, папа читал нам свои книги, если написал даже совсем немножко. А теперь... а теперь они говорят о таких делах, что я ничего не понимаю. И мама стала совсем невесёлая.

— Здравствуйте, люди! Это я, ваш «хитрый лис», — говорит папа, вбегая в комнату.

Значит, ему его «военная хитрость» удалась, раз он называет себя «хитрым лисом»! Да и по нему видно, что всё в порядке.

Большие и маленькие, длинные и короткие, висят на папе свёртки и свёртки, а поверх всего... полевая сумка и полевой бинокль.

— Вхожу, случайно зашёл, а он лежит, а рядом сумка! — восхищённо говорит папа. — Как раз то, что мне надо!

— Куда зашёл, кто лежит? — спрашивает мама.

— В комиссионный. На Арбате. Жень, я же говорил тебе, что Арбатия — страна необыкновенная... Это бинокль. Зайс всё должен видеть, а то зайса могут убить, — говорит папа и бережно складывает всё на стол. Мне очень нравится, что папа называет себя зайсом или лисом.

Ох, какой большой и тяжёлый этот настоящий, военный бинокль!

— Пап, можно я посмотрю?

— Можно!

И он вешает бинокль мне на шею и помогает навести.

— Вы ужасно смешные! — заключаю я, когда бинокль останавливается на родителях. — Большие-пребольшие! И очень близко. Даже хочется вас потрогать!

Я протягиваю руку.

— А вот и не достанешь! — смеётся папа и переворачивает бинокль.
— Так нехорошо... — протестую я. — Теперь очень маленькие и далеко... А я не хочу, чтобы далеко!

Я опускаю бинокль.

— А что, если посмотреть на улицу? — рассуждаю я и тут же разочарованно сама отвечаю: — Нет! Ведь окно нашей комнаты выходит во двор.

Папа берёт у меня бинокль и смотрит на соседний дом.

— А мы посмотрим на Милочку-заводилочку... Вижу большую голову. Милочка-заводилочка собирается куда-то уходить и отчаянно раздирает свои спутанные кудряшки, — говорит папа, и вид у него такой, словно стоит он на капитанском мостике и оттуда наблюдает.

Я беру у него бинокль и в окне соседнего дома тоже вижу нашу соседку Милочку. «Заводилочкой» её прозвал папа потому, что она могла с утра до вечера заводить патефон. До войны, правда.

— Да, папа, ты правильно сделал, что купил себе бинокль! Очень здорово всё видно! — говорю ему, возвращая бинокль.

Мы так увлеклись биноклем, что не обратили внимания ещё на один большой, но тонкий свёрток.

— Это для тебя, — говорит папа.

И пока он аккуратно распаковывает свёрток, я буквально сгораю от любопытства и ёрзаю на стуле.

— Книга! Ой как здорово! Сказки! Я их очень люблю! И у меня такой нет!

Я бросаюсь ему на шею, и мы вместе летим на тахту.

— А я знал, что ты любишь... знал, что такой нет... — щекотно дыша мне в ухо, отвечает папа.

— А теперь давай придумаем, что бы нам там написать. Ведь я уезжаю на фронт, и может так случиться, что долго не увидимся. А мне бы совсем не хотелось, чтобы ты обо мне забыла и даже не вспоминала, что есть на свете храбрый «бедный зайс».

Помогать папе мне не пришлось. Он просто открыл книгу, взял ручку и сразу же написал:

Едет папа на войну
За Советскую страну,
Женя папу поджидает,
Женя книжку прочитает,
Всё узнает, всё поймёт:
Где и как живёт народ,
Сколько есть чудес на свете,
Как и где играют дети.
Как запрыгал заяц белый,
Как исчез Ивашка смелый,
Как из лесу, из-за гор,
Ехал дедушка Егор...
Женя книжку прочитает
И о папе помечтает.
Он в далёкой стороне
Бьёт фашистов на войне!

И подписался: *«Арк. Гайдар, июль 1941 г.»*

— Спасибо, папа. Я очень буду помнить, мечтать и ждать. Очень, очень!

Я крепко целую папу и тут же усаживаюсь поудобнее за его письменный стол, чтобы как следует рассмотреть подарок и выучить наизусть то, что он написал на книжке.

Уже давно стемнело за окнами, а мы всё ещё собираем папу в дорогу. Мне не хочется думать о страшном. И кажется мне, что собирается он в Дом творчества, что опять мы будем «ловить» почтальона на улице, чтобы тут же прочитать смешные папины стишки и всякие «злоключения-приключения».

Но нет! Не в Дом творчества собирается папа, а на войну. А война — это не просто и не скоро. Но мне не хочется об этом думать. Кто же будет рассказывать нам интересные истории...

Папа сказал, что едет он военным корреспондентом, а так как на войне не очень-то много свободного времени, то постарается писать так, чтобы читать было интересно и большим и маленьким.

Если интересно — пусть будет так! Папе я верю.

Мне так хотелось помочь маме собрать его в дальнюю дорогу. Но у мамы, как всегда, все уже выстирано, зашито и, конечно, лежит на своём месте. А для того, чтобы всё это уложить в папину сумку, не нужно много времени. Ну, а всё остальное может собрать только он сам. Ведь это фронт, и там не должно быть ничего лишнего. А я и не хочу давать лишнего. Но бумаги у писателя должно быть много.

— Папа, хочешь, я дам тебе тетради? У меня есть и в клеточку и в косую. Наверное, там, — я неопределённо протягиваю руку, — купить будет трудно. А я не жадная. Правда, если в косую, тогда несколько листков я исписала, но не беда, их можно вырвать.

— Я думаю, что вырывать не стоит. В клеточку как-то лучше, — говорит папа. — Я больше люблю в клеточку.

Я бросаюсь доставать тетради, а заодно прихватываю и коробку карандашей, которую совсем недавно мне папа подарил.

— Это правда, что дарёное не дарят?

— Правда!

— Так это если кому-нибудь. А тебе можно, ты сам мне дал их! — хитрю я и торжественно протягиваю коробку с карандашами.

Папа не хочет огорчать меня отказом.

— Давай выберем самый боевой цвет.

— Красный! Если наше знамя красное, тогда самый боевой цвет — красный!

— Ты молодец, Женюрок! Самый боевой цвет красный...

И я кладу в его полевую сумку красный карандаш. А папа подходит к письменному столу, открывает ящик и вынимает лист чистой бумаги. Затем садится и что-то пишет.

— Дорик, — зовёт он маму. — Подойди, я должен тебе всё объяснить.

Любопытство не покидает меня, и на этот раз вместе с мамой мы подходим к столу.

Это записка маме. И папа ещё раз повторяет, как маме поступить в том или в другом случае:

«Доре

1) Документы военные старые разделить на две части — запечатать в разные пакеты.

2) В случае необходимости обратиться: в Клину к Якушеву, в Москве — сначала посоветоваться с Андреевым («Пионерская правда»), потом с Мишаковой в ЦК.

3) В случае, если обо мне ничего долго нет, справиться у Владими́рова (КО-27-00, доб. 2-10).

4) В случае ещё какого случая, действовать не унывая, по своему усмотрению.

Будь жива, здорова. Пиши, не забывай.
20.7.1941 г.»

Ниже нарисовал звезду с расходящимися лучами, подписал свою фамилию, врисовав в букву «Р» смешную рожицу.

Я попросила разрешения нарисовать его смешному человечку солдатские волосы.

— Почему же солдатские?

— Потому что человек — твой, а ты уезжаешь на фронт.

— Пожалуй, ты права, Женю́рка. Рисуй.

Он сажает меня к себе на колени, отдаёт карандаш, и я быстро подрисовываю человечку «ёжик».

— Так лучше?! — скорее утверждая, чем спрашивая, говорю я.

— Лучше!

Он ставит меня рядом с мамой, встаёт из-за стола сам и, передавая маме записку, говорит:

— Итак, действовать не унывая, по своему усмотрению, товарищи!

— Есть, по своему усмотрению! — отдавая честь, отвечаем мы.

Теперь всё собрано. Можно ложиться спать. Не хочется, но папа велел. А мама с папой всё ещё разговаривают. Я знаю, что не всегда можно слушать то, о чём говорят взрослые. И я стараюсь не слушать, о чём они говорят. И крепче закрываю глаза. А вот с ушами справиться не могу. И уши всё слышат. А потом, как же не слушать, если разговор капельку касается и меня?

— Пока из Москвы не уезжайте. Каждый месяц я буду приезжать для отчёта в редакцию, и очень хочется, чтобы каждый раз вы меня

с Женькой встречали. А в Клин нужно поехать, попроси кого-нибудь, чтобы вам помогли вырыть бомбубежище. Вырыть нужно у кустов черёмухи. Там место сухое, вода подходить не будет...

Милый наш папка, конечно, из Москвы мы никуда не уедем, дедушке и бабушке в Клину поможем и будем сильно тебя ругать: говорят, когда ругают, то бывает всё очень хорошо. Это все знают. Только вот за что ругать? «Придётся что-нибудь придумать», — решаю я и крепко-крепко засыпаю.

О том, что папа уезжает на войну, знает только моя лучшая подружка Лялька. Но когда мы утром выходим из дома, то видим у ворот всех ребят из нашего двора. По-нят-но! Собрались они не случайно. И когда папа подзывает их к себе, то они, как по команде, срываются со своих мест и вмиг окружают папу. Он прощается с ребятами за руку. И мальчишки от оказанной им чести смешно выпячивают животы. Им кажется, что так солидней. Папе с мамой

смешно, но они не показывают виду. Девчонки от смущения краснеют, но руки тоже тянут.

Провожать на вокзал мы не пошли. Папа просил проводить его до конца переуллка. А так как мы жили во втором доме от начала переуллка, то идти пришлось очень недалеко.

На углу мы останавливаемся, и папа ещё раз просит не забыть получить в фотографии его снимки. Времени у него мало, и мы в последний раз прощаемся.

Долго стоим, не решаясь уйти. Ведь его будет видно до самого поворота к вокзалу... Так хочется побыть с ним ещё! Ничего, что видно только спину, перетянутую ремнями. Зато какой стройный и подтянутый! Сразу видно — солдат!

Гордость за него медленно сменяют эти противные слёзы... но я не хочу расстраивать маму. А что, если и она заплачет вместе со мной? И я незаметно тру глаза кулаком, как будто они чешутся или могла же в них попасть соринка!

Но вот прохожие загородили папу, и вместе с ними он завернул за угол.

Теперь можно идти домой. И тут мы видим, что стоим не одни, — за нами стоят все наши ребята. Никто ничего не говорит. Говорить не хочется. И хотя уже многих проводил на фронт наш двор, привыкнуть к этому нельзя. И каждый раз грустно. Но так грустно, как сегодня, мне было впервые...

МЫ ТЕБЯ ЖДЕМ...

Теперь я знаю, что такое война.

В этот вечер мы услышали протяжный и тревожный вой воздушной сирены. «Фашисты летят!» — пронзительно закричал кто-то во дворе. И нам казалось, что от гула валятся стены бомбоубежища, в котором мы сидим. А потом застреляли зенитки. Потом — тишина, и где-то взрывы, взрывы...

Письма от папы в ближайшее время мы не ждали. А оно пришло!!! Мама вошла в комнату с маленьким конвертиком в руках, и я сразу поняла, что это письмо от папы. Написал он его по дороге на фронт.

«Милая, роднулька!

Выехали со всякими приключениями, ночь были под Москвой. Ночь, как сама знаешь, была беспокойной. Крепко тебя, золотая моя, целую. Будь жива, здорова. Береги Женю.

Твой солдат Аркашенка*.

Папа не зря называл меня «образованной девицей». Я сразу заметила ошибку.

— А «Аркашенька» пишется с мягким знаком! — стараясь подражать своей учительнице Надежде Львовне, сказала я маме.

— Конечно, с мягким. Только, понимаешь, однажды я очень спешила и пропустила этот самый мягкий знак. С тех пор, подписывая мне письма, папа всегда его пропускает.

За первым пришло второе письмо! Оно опять было написано в дороге. Но уж на военное оно никак не было похоже.

Наше дело, Дора, гроб,
Приехали в Конотоп —
И глядеть на нас, поверьте,
Мы не люди, а мы черти.
В Конотопе этом смыли
Мы с лица полпуда пыли,
В остальных местах покуда
Осталось ещё два пуда.
Солнце жаркое печёт.
Время медленно течёт...
Уходил я на вокзал —
Кое-что там заказал...
Но, конечно, не спиртного...
Или что-нибудь хмельного.
Кофе, булки два куса
И с гарниром языка.
Вот... я как пока воюю,
А за сим тебя целую.

24.7.41. Гайдар.

Прошло несколько дней, и мы решили поехать в Клин, чтобы выполнить всё, о чём просил нас Аркадий Петрович.

И конечно, нам здорово повезло: на лестнице мы встретили почтальона. Тут же, на лестнице, запинаясь от волнения, мама прочла письмо. Оно было из Киева.

«Родненька!

Я жив, здоров. Наши войска сражаются хорошо. Бои, как сама читаешь, идут упорные, но настроение у войск и у народа твёрдое. Дорогусенька, если сейчас от меня не будет долго писем, ты не беспокойся. Это просто значит, что далеко идти на почту. Поцелуй за меня Женюрку, маму и всех. Со мной пока случилось только одно горе: при одном обстоятельстве пропала моя сумка, которую ты собирала для меня так заботливо. Ну, да ничего, получу новую. Пиши

мне по прежнему адресу и хотя с опозданием, но письма твои до меня дойдут.

Очень крепко тебя, дорогую, целую, твой Аркашенка».

Как всегда в папиных письмах в правом углу нарисована звезда и наш смешной доброволец-человечек в букве «Р».

Мама спрятала письмо в сумочку, и мы поехали на вокзал.

За этот месяц я успела привыкнуть к тревожной московской жизни. А вот представить себе таким же Клину я не могла. Ездили мы туда обычно летом. Ездили всегда или почти всегда с папой, а где папа — там всегда весело.

Клин изменился...

Не носились по улицам с громким улюлюканьем босоногие мальчишки верхом на палках. Не висели, от нечего делать, на заборе, не зная, чем себя занять. Не играли в дочки-матери девочки, расположившись прямо на тротуаре. Не сидели перед домами старики и старушки, греясь на солнышке.

Нет ребят и на нашей Большевицкой улице... А мне так хотелось рассказать им, что папе удалась его «военная хитрость» и он уехал на фронт корреспондентом «Комсомольской правды».

Всё, о чём просил папа, мы сделали. И теперь с нетерпением ждали 20 числа, чтобы поехать в Москву. 20 августа папа должен был приехать в редакцию для отчёта. Но 18 августа пришла телеграмма. Телеграмма, которую мы не ждали и которая нас скорее напугала, чем обрадовала:

СРОЧНО ЖДУ МОСКВЕ.

Г А Й Д А Р.

Что это могло значить? Мама не понимала. Я услышала, как шёпотом она сказала бабушке: «Не ранен ли он?»

С этими страшными догадками мы отправились на вокзал.

От Клина до Москвы три часа езды. Целых три часа отделяли нас от той минуты, когда мы его увидим.

Поезд оказался местным. Свободных мест в вагоне много, и мы садимся с правой стороны в середине вагона. С этой стороны платформа «Поваровка», где в детдоме «8 Марта» работала мамина сестра Анечка. Папа любил и уважал Анечку и её детдомовских друзей и часто приезжал к ним. Ребята скоро так привязались к Аркадию Петровичу, что каждый его приезд считали за детдомовский праздник. Иногда они ходили на прогулку к станции. И в надежде их

увидеть мы всякий раз, когда ехали в Клин или из Клина, выглядывали из окна. И если действительно они оказывались на перроне, мы успевали за короткое время остановки обменяться новостями.

Но теперь детдом эвакуирован, и некого ждать на станции Поваровка.

В вагоне пока свободно. Напротив нас сидит пожилой мужчина с папироской в руке.

Кажется, время остановилось... Но постепенно вагон заполняется людьми, и поезд трогается. Вот когда мне пригодились бы папины «палочки-сокращалочки». Придумал их папа, чтобы дорога казалась короче. Всё это очень просто. Палочек брали ровно столько, сколько остановок до Клина. Подъезжая к остановке мы выбрасывали одну палочку и доставали из связки следующую. И ехать от этого казалось интереснее и быстрее.

— Мама, у тебя есть «сокращалочки»?

— Нет, — отвечает мама. Она смотрит как-то рассеянno, и мне кажется, что ответила она мне, не расслышав моего вопроса.

— Мам, а спички?

— Нет,— всё так же безразлично и не поворачивая ко мне головы, отвечает она.

А мне так хочется поскорее доехать до Москвы. Я с надеждой смотрю на нашего соседа, который так и не решился закурить, и шёпотом прошу:

— Мамочка, а ты у этого дяденьки спроси, у него-то уж, наверное, есть.

— Хорошо,— как-то неожиданно соглашается мама.

И как только в моих руках оказываются спички, я, не теряя ни минуты, принимаюсь за дело и так ловко отрываю у спичек серные головки, что сосед не выдерживает.

— Я думал, для дела... не серьёзно как-то выходит, гражданочка...— слышу я раскатистый бас хозяина спичечного коробка.

— Что? Вы мне? — как бы очнувшись ото сна, спрашивает мама. В её глазах удивление и испуг.

— Посмотрите, девочка-то ваша зазря спички изводит, не хорошо, большая, а...

Я едва сдерживаю слёзы и поворачиваюсь к маме в надежде найти у неё поддержку, но и она укоризненно смотрит на меня. Потом берёт коробок и, извинившись, возвращает его мужчине. А я крепче сжимаю оставшиеся в руке спички.

Тук-тук! Тук-тук! — стучат колёса. Я прислушиваюсь к их перестуку и вспоминаю Чука и Гека. Наверное, вот так же стучали колёса, когда поезд мчал их к папе. Но только меня он домчит скорее, потому что мне не нужно до «Синих гор».

Тук-тук! — стучат колёса. А за окном проплывают любимые папины берёзки.

— Мама, давай рисовать, так хочется поскорее доехать!

Мама открывает сумочку и достаёт карандаш. Бумаги нет.

— Ну, хоть маленький ку-сочек,— прошу я и заглядываю в сумочку. Кроме разорванного розового конверта, бумаги нет.

— Можно и на конверте! — решаю я.

Но мама берёт его из моих рук и переворачивает.

— Ведь это папина записка и очень смешная. Послушай! — Она тихо, почти шёпотом читает:

— Ой, люли, люли малина,
Как доедешь ты до Клина,
Не должна никак забыть

Ты маслѐнку захватить,
А потом скорей беги,
Чтоб чинили сапоги,
Не забудь смотри к тому же,
Что кругом и снег и стужа.
И чтоб я не сдох от страху,
Захвати мою рубаху.
Елки-палки, мама-мать,
И не смей ни с кем гулять,
И ни летом, ни зимой,
А кати скорей домой.

— Мама, а ты ничего не забыла? И маслѐнку, и сапоги, и рубаху? — с беспокойством спрашиваю я.

Но это оказывается старая записка, тогда мама выполнила все поручения. Конечно, на таком конверте рисовать не хотелось...

Мама убирает записку в боковой карманчик, где лежит ключ от московской квартиры.

— Мама, дай мне ключ, пожалуйста! Я его не потеряю! Просто очень хочется самой открыть дверь...

Мама вынимает ключ и просит спрятать его подальше, чтобы не потерять. Рисовать не на чем. Ну, ничего! Я поудобнее устраиваюсь и запасаюсь терпением.

Наконец, в моей руке две, только две спички! Даже не спички, а жалкие кусочки, потому что их было так мало, что каждую пришлось делить на несколько частей.

Одна! Последняя спичка летит в окно. Впереди московский перрон.

Мама с трудом сдерживает меня, хотя и сама она тоже торопится. Уже около нашего подъезда я слышу мамин окрик:

— Сумасшедшая, ты сломаешь себе голову!

«Ну и пускай!» — думаю я и в одно мгновение оказываюсь на нашем третьем этаже. Ключ дрожит в моей руке и не попадает в замочную скважину.

— Глупая, ты не так держишь ключ! — Мама пытается улыбаться. Но разве так улыбаются...

Возле двери в комнату, не сговариваясь, мы останавливаемся. Первой берѐтся за ручку двери мама. Я просовываю в дверь голову и вижу лежащего на диване папу. Я зову его. Зову шѐпотом, боясь разбудить. Он молчит... Я бросаюсь к дивану, спотыкаюсь и... чув-

ствую, как меня подхватывают... папины?.. ну конечно, папины руки! Крепкие, здоровые, они не дают мне упасть.

Нам не терпится узнать, всё ли в порядке. И папа тут же рассказывает, что в первую же ночь под Москвой их эшелон попал под бомбёжку. Пропала его сумка и бинокль. О том, как они добрались до своего места. Что удалось приехать на пару дней раньше, и он сразу же телеграфировал.

— Ну, а теперь здравствуйте, люди! — обнимая нас, говорит папа.

— Здравствуй, наш «храбрый зайс»!

Мы опять все вместе. И это самое главное!

И вот наступил последний день... Папа снова уезжает на фронт. В этот день он пришёл поздно.

— Всё. Завтра уезжаю, — входя в комнату, сказал он. — Только вот беда, забыл я где-то сумку, Дорик, придётся тебе её разыскать. Там нужные мне бумаги, а главное, сценарий «Военная тайна».

Весь остаток вечера и часть ночи они просидели за разговором.

А утром, всё от той же подружки Ляльки, ребята из нашего двора узнали про папин отъезд. И опять они, верные дружбе, пошли провожать своего старшего друга. На полпути к вокзалу попрощались с ним и шумной ватагой повернули к дому.

На перроне папа сказал мне:

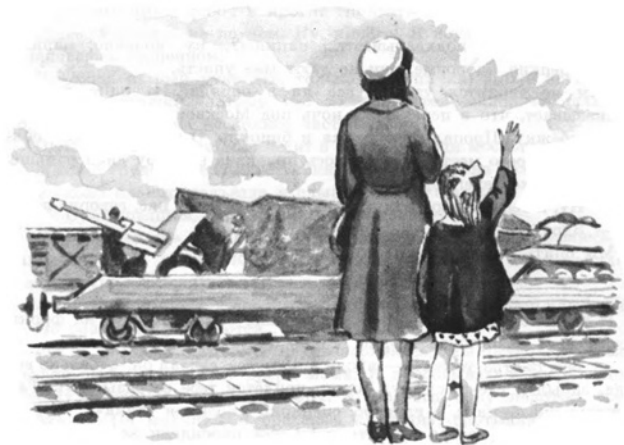
— К следующему моему приезду ты должна прочитать всю книгу сказок! Обещаешь мне, Женюрка?

— Обещаю! — как самую верную клятву, произнесла я.

Мы долго стоим на перроне. Глаза у папы печальные и озабоченные. Всё, что собирались, и всё, что было нужно, — сказали дома. А здесь хотелось просто помолчать и посмотреть на нашего солдата. Как всегда, его отличала бравая выправка и собранность.

Только вот исчезли куда-то весёлые огоньки из его глаз, от которых легко и весело становилось его собеседникам. Стоял он почему-то печальный, а мы не знали, отчего, и спрашивать его не могли.

И вот последний гудок паровоза. Мы снова обнимаем, целуем папу. Он вскакивает на ступеньку тронувшегося поезда, а мы всё смотрим и смотрим...

Медленно набирая скорость, мимо нас движутся окна вагонов. А мы, наверное, идем вместе с поездом, потому что на нас продолжают смотреть печальные глаза папы. Но вот поезд прибавляет скорость, и вагон заволакивается клубами паровозного дыма. В последний раз раздаётся гудок паровоза, и, как уползающая змейка, поезд скрывается за поворотом...

Мы стоим на краю платформы. Уходить просто трудно. Стоим очень долго. Смотрим туда, где, как нам кажется, совсем недавно в клубах дыма скрылся вагон, увозящий его...

Война изменила всё. Все и всё стало суровым, как суровы были красноармейцы, которые проходили мимо нашего дома к вокзалу.

Была у нас до войны, правда, такая традиция: за вечерним чаем Аркадий Петрович читал нам только что написанное и просил не стесняясь говорить, что нам нравится и что не нравится. И вот теперь, когда он был далеко на фронте, мы каждый раз за вечерним чаем вспоминали нашего «храброго зайса».

Один вечер мне запомнился надолго. Мама вынула газету, и к её ногам упало письмо. Читали его за столом, совсем позабыв о чае.

«Дорогая Дорик!

Подъехал к Харькову. Дальше мой путь будет сложный, и скоро писем от меня не жди. Сейчас уже виднеется город. Вспоминаю, как дружно и весело подъезжали мы с тобой к этому городу, когда ехали в Крым. Далёким кажется это время. Крепко тебя, родную, целую. Не унывай и помни своего «военного зайса».

С листка бумаги на нас смотрел «военный зайс». Наш зайс!

И вместе с этим листком бумаги в нашем доме опять, но на этот раз острее, поселилась тревога за папу.

Взрослые, как мне казалось, стали говорить тише. Но я улавливала из разговоров и чувствовала: положение на фронте всё сложнее и сложнее. Наши люди борются за свободу, за справедливость, и мы должны победить. А пока... пока враг подступал к Киеву. А в тех краях сражался и наш папа.

Но мы всё равно ждали писем...

Четыре фронтовых письма лежали на его столе. Возле них стояла его игрушечная пушка с оловянным солдатиком. Каждый день мы пересчитывали эти коротенькие весточки с фронта и клали их обратно с надеждой, что очень скоро к ним прибавится ещё...

И вот опять у нас в руках письмо с папиной звездой!

«Дорогая Дорочка!

Пользуюсь случаем, пересылаю письмо самолётом. Вчера вернулся, а завтра выезжаю опять на передовую, и связь со мной будет прервана. Положение у нас сложное — посмотри на Киев, на карту, и поймешь сама. У вас на центральном участке положение пока благополучное. Крепко тебя целую. Личных новостей нет. На днях валялся в окопах, простудился. Вскочила температура, но я сожрал штук пять таблеток, голова загудела, и сразу выздоровел. Роднучек, помни своего «зайса», который ушёл за вас на войну, и у него, кроме вас, на свете нет ни одного доброго сердца. Эти товарищи, которые передадут тебе письмо, из одной со мной бригады. Напой их чаем или вином, они тебе обо мне расскажут. Целую Женю, привет маме и всему вашему табору.

Гайдар».

Опять в буковке «Р» смешной «доброволец-человечек», но и у него пропала весёлая улыбка...

А товарищи из бригады к нам не зашли. Наверное, спешили и письмо опустили в почтовый ящик.

Однажды я с подружками играла во дворе в мирную игру «дочки-матери». И вдруг меня позвала мама.

— Жень! Домой! — Голос был взволнованный и совсем не похож на мамин. Это напугало меня, и я стремглав побежала домой.

Мама сидела за столом, а перед ней лежало письмо. По щекам стекали слёзы и падали на её руки, стол. Она не вытирала их. Почему она так тихо и неподвижно сидит? Можно было подумать, что она играет в детскую игру «замри-отомри», если бы...

Всё самое печальное и грустное, казалось, собралось в одном человеке — замерло, окаменело. И в этом было что-то страшное, нечеловеческое. Я нагнулась над листком, лежащим перед ней.

НЕТ!!! ЭТО НЕ БЫЛО ПИСЬМО ОТ ПАПЫ! Мелкие аккуратные буквы не были похожи на папины смешные буковки.

Предчувствие чего-то непоправимого охватило меня. И я не могла

даже спросить у мамы... Я смотрела на нее, не понимая: слёзы существовали как бы сами по себе, а мама сама по себе. Как будто слёзы должны были литься и лились. А она сидела прямо, не склоняя головы.

Мне так хотелось узнать, что же написано в этом письме. И в то же время я боялась взять его в руки. Я боялась его так, как будто знала, что оно сделает мне больно.

ДА, ЭТО БЫЛО САМОЕ СТРАШНОЕ, НЕПОПРАВИМО СТРАШНОЕ ПИСЬМО!

Письмо от незнакомого нам лейтенанта Абрамова.

«1 мая 1942 года.

Уважаемая тов. Гайдар!

Я пишу это письмо и не знаю, попадёт ли оно к Вам в руки, потому что отправлено не совсем обычной почтой и что оно может Вас не застать в Москве. Выполняя просьбу Вашего мужа Гайдара Аркадия Петровича, сообщаю Вам, что он погиб от рук фашистских варваров 26 октября 1941 г. Мне трудно писать эти строки, но я обещал ему исполнить его просьбу, как будет только возможность сообщить о его смерти Вам. И вот только теперь представилась эта возможность. Вы знаете, что Аркадий Петрович последнее время был корреспондентом Юго-Западного фронта. До последнего времени он был в Киеве. Когда образовалось окружение, тов. Гайдару предложили вылететь на самолёте, но он отказался и остался в окружении с армией. Когда часть армии была разбита, то мы, выходя, остались в партизанском отряде в приднепровских лесах.

И однажды мы выходили по продукты на свою базу и нарвались на немецкую засаду, где и был убит тов. Гайдар Аркадий Петрович. Его могила находится в Полтавской обл., около железной дороги, которая идёт с Канева на Золотоношу. Если ехать с Канева, то надо доехать до станции Липля, а затем пойти пешком до 1-го переезда в направлении Золотоноши, там есть будка, вот возле этой будки, на правой стороне ж. д. метрах в пяти от полотна, и похоронен он. Будочник знает его могилу, и если когда-нибудь Вам придётся побывать там, то Вы её найдёте. Я кончаю писать, мне трудно теперь вспоминать то, что прошло, потому что мы любили нашего Аркадия Петровича.

До свидания.

Остаюсь лейтенант С. Абрамов.

Это письмо я передаю из временно оккупированной Украины. Привет всем, всем, всем от товарищей партизан, знавших его.

Мы обещали отомстить врагу за то, что они его убили, и мы отомстим так, как умел мстить тов. Гайдар. Он всегда храбро дрался и героически погиб*.

«Мы обещаем отомстить врагу за то, что они его убили... за то, что они его убили... убили...»

Я медленно подошла к книжному шкафу, вынула книгу сказок, которую подарил мне папа, прижала её к груди, как бы боясь кого-то потревожить, тихо сказала:

— Я прочла её... до самого последнего листика... она мне понравилась... а тебя не убили... нет! Тебя не убили фашистские варвары... не убили... нет такой пули, которая смогла бы тебя убить... И мы всегда будем ждать тебя. А ты обязательно к нам вернись. Ты всегда будешь с нами...

Мы тебя ждём! — упрямо сжав губы, сказала я, глядя на улыбающееся, с хитринкой лицо папы, смотрящее на нас из красной кожаной рамки.

МЫ ТЕБЯ ЖДЕМ!!!

СОДЕРЖАНИЕ

Пир горой	5
Шампиньоны	15
Дочки-матери	20
Жулик и Игрун	28
Вещий сон	34
«Едет папа на войну за Советскую страну» . . .	41
Мы тебя ждём...	51

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Для младшего школьного возраста
Евгения Аркадьевна Гайдар-Голикова

ЕДЕТ ПАПА НА ВОЙНУ
ЗА СОВЕТСКУЮ СТРАНУ

ИБ № 4371

Ответственный редактор *Р. Н. Ефремова*. Художественный редактор *Л. Д. Вирюков*. Технический редактор *Е. М. Захарова*. Корректоры *И. В. Мартынова* и *Т. Н. Чернова*. Сдано в набор 17.09.79. Подписано к печати 02.04.80. Формат 70×90/16. Бум. офсет. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 3,7. Тираж 100 000 экз. Заказ № 133. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Г14 Гайдар-Голикова Е. А.

Едет папа на войну за Советскую страну: Рассказы/Рис. Н. Байракова. — М.: Дет. лит., 1980. — 64 с., ил.
В пер.: 15 к.

Эпизоды из последних лет жизни А. П. Гайдара воссоздают характер этого человека, передают его любовь к детям, к жизни.

Г 70802—294 17р—80
М101(03)80

Р2

